

ОПЫТ РОССИИ ПО АНТИКРИЗИСНОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ И МОДЕЛИ ПОСТКРИЗИСНОГО РАЗВИТИЯ

I. О некоторых глобальных трендах развития в первом десятилетии 2000-х годов и в посткризисный период

В разработках Института экономики РАН, в последних работах его директора, чл.-корр. РАН Р.Гринберга, часто говорится о месте России в нынешнем *"турбулентном мире"*. Но что это за турбулентный мир? Что он несет России? Что Россия готова предъявить ему?

Турбулентность – это, конечно же, прежде всего образ. Но кроме того и реальная, содержательная характеристика состояния современной мировой экономики, политики, глобального сообщества. Попытаюсь коротко очертить границы этого понятия.

Образ бурного, вихревого развития возникают в силу следующих причин.

Судя по всему, мы становимся свидетелями начала **новой глобальной трансформации**, означающей смену научной парадигмы развития, его цивилизационно-культурных оснований (появление новых региональных центров и типов развития), формирование нового геополитического и геоэкономического облика мира, вызревание нового технологического уклада, нового мирового экономического порядка.

Если гипотезы о глобальной и внутренней российской трансформациях верны, то и в основу долгосрочных стратегий нельзя закладывать пресловутые первую и вторую версии Стратегии–2020 с их пониманием контекста и характера происходящих процессов. За разговорами о "реформах" мы не сдвинулись с места уже трижды: мимо прошли структурные, технологические и информационные революции последней четверти прошедшего века и мы оказались на обочине глобализации, а сейчас, – за пределами вхождения в 6-й технологический уклад и подготовки условий для вызревания 7-го.

Несомненно, в понятие турбулентности входит и переживаемый ныне глобальный кризис, успехи и неудачи применяемых антикризисных стратегий, провидение и понимание контуров посткризисного мира, новой модели экономического и политического мироустройства. От того, что объективно имеет место быть в реальности, – успехи антикризисного регулирования и выход из кризиса или лишь притупление его остроты и временные улучшения конъюнктуры, – зависит очень многое.

Либо мы самонадеянно будем полагать, что с кризисом можно успешно бороться наличными средствами и мир, в принципе, остался прежним. Это весьма опасная самонадеянность, которая может придать кризису затяжной и непредсказуемый характер.

Либо, напротив, кризис можно считать свидетельством исчерпанности прежней модели развития и провозвестником новых экономических отношений, моделей, институтов, соответствующих систем управления. И тогда, не отвергая традиционных

средств смягчения кризиса и стимулирования роста и занятости, необходимо думать и искать принципиальные решения, открывающие путь новой стадии и модели развития.

В чем заключаются плюсы и минусы опыта России по преодолению кризиса и выходу на траектории посткризисного развития?

Россия неплохо подготовилась к кризису с точки зрения создания колоссальных по объему золотовалютных резервов и финансовых резервных фондов. Но их использование, точнее, неиспользование на нужды активного инвестирования в предкризисный период для создания устойчивых к кризису национальных финансовых институтов, промышленных отраслей и отраслей инфраструктуры (по примеру стран БРИКС, почти не пострадавших от кризиса) привело к тому, что выход из кризиса стоил России столько, сколько не может позволить себе любая другая страна, не располагающая такими запасами финансовых резервов, связанных с сырьевым экспортом.

Неверно были поняты причины и характер мирового финансового кризиса. Как и в 1997–1998 гг., неолиберальное экспертное сообщество и официозные специалисты до последнего придерживались позиции о том, что имеют место лишь корректировки рынка и необходимые коррективы будут достигнуты в рамках рыночного саморегулирования. Но, как и в прошлом, прогноз оказался неверен, хотя ситуация в условиях 10-летнего экономического роста (пусть и на основе "экономики трубы") оказалась в корне отличной от системного кризиса российской экономики и краха государственной экономической политики в конце 90-х годов прошлого столетия.

Неправильно была оценена степень восприимчивости России к мировому финансовому кризису ввиду её зависимости от международных финансов и финансовых рынков. Кризис уже пришел в Россию, а тогдашний министр финансов А.Кудрин уверял страну, что "кризис нас не коснется". Не был принят во внимание и спекулятивный характер российской экономики и, в особенности, фондовых рынков, что значительно усилило её уязвимость. При первых симптомах кризиса спекулятивные капиталы в одночасье покинули страну.

Первые транши финансовой помощи были направлены банкам, в результате чего финансовый сектор свои проблемы "порешал", в том числе, и за счет усиленного оттока средств на валютные рынки и далее – за рубеж³⁰. До реального сектора эти средства

³⁰ Чистый отток частного капитала из России в 2008 г. по данным Центробанка России составил рекордную сумму – 133,7 млрд долл. США. При этом банковский сектор страны вывел за рубеж за год 56,9 млрд долл. США (43%). На прочие сектора экономики пришлось 78,5 млрд долл. США. В 2009 г. эти цифры снизились, отток капитала из частного сектора составил 56,1 млрд долл. США, банковского – 30,4 млрд долл.

практически не дошли. Необходимо подчеркнуть, что все без исключения новые "эффективные собственники" и "эффективные менеджеры" из числа "новых русских олигархов" немедленно обратились за помощью к государству, не пытаясь сформировать какие-либо собственные эффективные корпоративные антикризисные программы.

В целом, по экспертным оценкам, кризис стоил стране не менее 16 трлн руб. в рамках четырехэтапной государственной программы антикризисного регулирования.

И сегодня один из самых актуальных вопросов заключается в том, сделаны ли правильные выводы о природе кризиса, его причинах, устойчивости достигнутых антикризисных результатов и вероятности возобновления кризисных проявлений.

Нам представляется, что мир стоит на пороге фундаментальных перемен и самым ближайшим свидетельством этого является турбулентность, приходящая на смену спокойному, эволюционному и стабильному развитию. Мир фундаментальных перемен будет отторгать наши привычные теоретические взгляды, наш устоявшийся практический опыт и к этому надо готовиться. На наш взгляд, не случайно, что сегодня, когда уже розданы награды и поделены гонорары за разработку скорректированной Стратегии-2020, практически затихли все разговоры и споры о ней. Можно предположить, что политикой, властью, обществом, очень скоро будут востребованы новые концепции и стратегии развития, которые должны определять векторы и генеральные тренды развития страны на долгосрочную перспективу уже на более отдаленных временных горизонтах.

II. О дилеммах государственной экономической политики

Почему мы говорим о дилеммах российской экономической политики? Необходимо согласиться с тем, что по сравнению с 90-ми годами XX ст. удалось достичь определенной стабильности во власти, экономике, обществе. Даже на мировой арене в целом ситуация для России стабильна, страна вернула себе международную субъектность, вновь заставила считаться с собой в важнейших вопросах современности.

Но есть и оборотная сторона этой стабильности, реальная угроза превращения стабильности в политический, экономический и социальный застой. Политика власти в истекшее десятилетие была глубоко противоречива. С одной стороны, потребности восстановления и развития, усиление глобальной конкуренции вынуждали идти вразрез с идеологическими догмами и имитационными моделями модернизации, включать проверенные механизмы государственного регулирования, восстанавливать государственные институты в экономике, руководствоваться национальными интересами во внутренней и внешней политике государства. С другой стороны, официальной доктриной власти

продолжает оставаться неолиберализм в том виде, как он был оформлен концепцией "Вашингтонского консенсуса" и реализован в практике российских реформ, начиная с 90-х годов прошлого столетия.

Это проявляется и в финансовой политике, и в приватизационных планах правительства, а также в подходах к реформам социально-экономической инфраструктуры. Несмотря на несогласие профессиональных сообществ педагогов, врачей, ученых, деятелей культуры, власть продолжает продавливать непопулярные и неэффективные модели институциональных реформ.

Противоречия в государственной экономической политике отражают реальные конфликты интересов во власти, в элитах. Так, конфликты, с одной стороны, нефтегазового бизнеса и его лобби, и, с другой стороны, радикально-либерального крыла в правительстве по вопросам приватизации, – это конфликты не между идейными государственниками и убежденными либералами.

На **одном полюсе** выступает мощное крыло государственной бюрократии, выросшее на сращивании власти и собственности, приватизации властных и административных государственных функций и по определению искажающее суть и формы государственного участия в экономике. Самый яркий пример – это госкорпорации с их неопределенным имущественным статусом, неподконтрольностью государству, и, практически, неограниченными рыночными возможностями конкурировать с частным бизнесом. Парадоксы известного конфликта между совместным предприятием ТНК-БиПи, английской корпорацией БиПи и российской Роснефтью хорошо иллюстрируют эту ситуацию.

Хороша ли практическая реэтизация нефтяной отрасли в результате поэтапной комбинации с ЮКОСом и ТНК-БиПи? В самом возвращении государства в эту стратегическую отрасль нет ничего трагического. Примеров успешной деятельности государственных компаний в нефте-, газодобыче и электроэнергетике достаточно. Но соединение политического и административного ресурса государственной бюрократии с беспрецедентным частным рыночным монополизмом в лице одной компании чревато самыми непредсказуемыми последствиями.

На **другом полюсе** – сохраняющее влияние и власть радикально-либеральное крыло политических элит, которое, несмотря на все уроки прошедшего двадцатилетия и происходящие в мире изменения, продолжает упорно следовать представлениям и практикам, сложившимся ещё в эпоху неоконсервативных революций в Европе и США и исчерпавших свой творческий и управленческий потенциал к началу глобального кризиса.

Объективные процессы, происходящие в мировой и национальной экономике, их научное осмысление свидетельствуют: необходим стратегический поворот в государственной экономической политике. Мы связываем его с тремя вызовами и тремя императивами государственной экономической политики.

Вызовы развития не оставляют нам иной альтернативы, кроме как войти в группу лидеров современного экономического и технологического прогресса, или же смириться с необратимостью отставания,

США, но доля банков возросла (54%). Начиная с 2011 г. тенденции оттока капитала вновь ухудшились: вывоз составил 80,5 млрд долл. США, в том числе банками – 24,2 млрд долл. США. В 2012 году, по прогнозам Центробанка, чистый отток по частному сектору должен был составить 67 млрд долл. США. По подсчетам экспертов, общая сумма может достигнуть 90 млрд долл. США и даже 100 млрд долл. США.

окончательного перехода в категорию стран второго эшелона, с ограниченным экономическим и, в конечном счете, государственным суверенитетом. *Гуманитарные вызовы* ставят нас перед альтернативой обеспечения широкой социально-экономической справедливости, системы человеческих, социальных и гражданских прав и свобод, либо закрепления экономической и социальной поляризации в обществе, характерной для слаборазвитых или развивающихся стран. В последнем случае в мировых рейтингах и табелях о рангах страна будет отброшена далеко назад, на периферию современного глобального сообщества. И, наконец, *вызовы нового миропорядка*. Формирование новых смыслов, ценностей, экономических отношений, норм и правил ведет к формированию новых институтов регулирования и координации – как в сфере международной (международные, наднациональные институты), так и внутренней политики (национальные институты).

Для России эти вызовы сопряжены со *структурным, социальным и институциональным императивами*, которые подробно обоснованы в научных трудах Института экономики РАН.

III. Формирование новых экономических моделей как ответ на вызовы XXI века

Современная глобальная экономика, экономики ведущих стран мира, постсоциалистические экономики стран Центральной и Восточной Европы, бывшего СССР сформировались на основе неоллиберальной экономической модели на рубеже 70–80-х годов прошлого столетия. Эта модель стала ответом на те вызовы, перед которыми оказалась кейнсианская экономика в 60-е годы прошлого столетия. На её основе были реализованы технологическая и структурная революции, революции в управлении, информационная революция, сформировался 5-й (по классификации С.Глазьева) технологический уклад. Был дан мощный толчок инновационному развитию. Для стран с переходной экономикой были сформированы экономические модели на основе так называемого "Вашингтонского консенсуса", предусматривающие программы реформ на основе либерализации экономики, приватизации собственности, сокращения до минимума экономической роли государства, доминирования в государственной экономической политике монетаристских методов косвенного макроэкономического регулирования.

Сегодня, по истечении более чем 30 лет, существует не только предощущение, но и научный прогноз грядущих глобальных изменений в современном экономическом устройстве, смены экономических моделей развития, возвращения на новых витках диалектической спирали в общем-то знакомых смыслов и понятий, ценностей и норм, институтов.

Что же стало понятно в результате этого кризиса?

Первое – возвращение циклов. 130 месяцев экономического роста в Америке и в других странах последние 10 лет, 15 лет перед кризисом в общем-то позволили многим экономистам с мировыми именами сделать вывод о том, что циклический характер развития преодолен. Но циклы возвращаются. Мы мало что можем сказать об их периодичности, но точно знаем, что они вернулись и что антицикличес-

кое регулирование, которое было в большой моде в 50-е, 60-е, 70-е, 80-е годы, вновь нуждается в актуализации. И нужны новые механизмы этого антициклического регулирования.

Второе. Это переосмысление роли и места крупных и крупнейших организационно-экономических и организационно-правовых форм в современной экономике, корпоративного капитала, в том числе, транснациональных корпораций. Указания на то, что компьютерная эра приведёт к тому, что малые формы будут становиться все более эффективными, что малый и средний бизнес выйдет на первые роли, с точки зрения факторов экономического роста, динамики структуры мировой экономики не подтвердились. На самом деле везде продолжается волна слияний и поглощений. И эта тенденция прослеживается во всех странах и регионах мира. Совершенно рационально выстраивается и антимонопольная политика, которая ориентируется не столько на масштабы корпораций и доли занимаемых ими рынков, сколько на конкретные проявления монопольного (антиконкурентного) поведения и факты нарушения антимонопольного законодательства.

Третье. Это реабилитация роли *реального сектора экономики*, материальной экономики вообще. Происходит девальвация самого понятия постиндустриализма. Есть некая ирония в том, что о постиндустриализме более чем уместно говорить применительно к странам бывшего реального социализма, которые начали свои реформы с разрушения промышленности, примитивизации структуры экономики. И в этом смысле промышленность уходит не как некий отживший исторический экономический феномен, освобождая место некоему постиндустриальному обществу. Её временные и пространственные перемещения являются следствием резко усилившейся глобальной конкуренции, которая диктует правила и национальной конкуренции. Вот в этом смысле мы можем говорить о постиндустриализме. Для некоторых стран и территорий, которые не в силах сохранить свои национальные сегменты современной промышленности, – да; но не для государств – лидеров глобальной экономики; не для транснациональных капиталов и корпораций, ищущих наиболее прибыльных условий для развертывания различных производств.

Четвёртое. Это *возвращение государства в экономику*, его конструктивная роль в экономическом регулировании, появление ряда новых функций с точки зрения обеспечения международной экономической безопасности, сопровождения национальных экономических интересов, поддержки новых и новейших инновационных направлений, долгосрочного развития социальной инфраструктуры общества. Но очевидно и другое. К сожалению, не везде и не во всех странах, и пока что не в России позиции *рыночного фундаментализма* терпят поражение.

Мы наблюдаем тотальную критику даже выведенных за последние 30 лет практик рыночного фундаментализма. Но ситуация складывается таким образом, что влияние этой школы мышления уходит с очень и очень большим скрипом.

Сегодня императивы глобального регулирования диктуют острую нужду в *формировании регулярных международных институтов и механизмов* выработки, согласования и принятия экономико-политических

решений, затрагивающих всю систему глобальной экономической политики. И они хотя не снижают важность *национальных систем государственного экономического регулирования*, но позволяют привести в систему и консолидировать действия *основных "актеров" глобальной экономики*, по крайней мере, перед лицом глобального кризиса.

В общем в этой ситуации возвращение названных четырех глобальных тенденций очень симптоматично именно с точки зрения формирования новой модели российской экономики, особенно её всесторонней интеграции в мировую экономику. Степень этой интеграции будет только возрастать (имеется в виду вступление России на излете 2011 г. в ВТО). В эту же сторону направлено дальнейшее углубление региональных интеграционных союзов на пространствах СНГ, в частности реализация проекта Евразийского союза.

Исследование фундаментальных закономерностей цикличности развития также делает узнаваемой картину смены экономических и технологических эпох (С.Глазьев). В этой связи очень продуктивной представляется идея о сопряжении длинных кондратьевских и модернизационных циклов, о симптоматичности так называемой *финансовой экономики и финансовых пузырей* на стыке экономических эпох, когда капиталы, не находя достаточно прибыльных сфер приложения в рамках исчерпавших свои возможности технологических укладов, устремляются на финансовые рынки, в сферу финансовых спекуляций. Эти научные положения дают ещё один очень сильный аргумент в пользу того, что за современным финансовым кризисом стоят фундаментальные проблемы, которые не решишь на основе тех привычных монетарных инструментов, с помощью которых удалось сбить первую волну кризиса. И это очень важно понять нам всем, особенно в России, – где находятся пределы того, что лечится "старыми дедовскими методами", а что требует принципиально новых подходов да и принципиально иных идей и людей.

И в интересах модернизационного проекта, в условиях острого дефицита исторического времени для его реализации, – в наших интересах, исходя из объективных национальных интересов России, – признать объективные реалии и не откладывать дело перемены до хорошо известных критических моментов истории. Исчерпание исторического времени не снимает модернизационный проект с повестки дня, но *с неумолимостью ставит нас перед угрозой самых жестких мобилизационных вариантов модернизации*.

Успех или неуспех модернизационного проекта зависит от предварительного решения ряда общих вопросов.

О выборе стратегических ориентиров. Конечно, важно определиться в том, какая по типу модернизация нам нужна. Она может быть и прорывная, а может быть и широкая социально-экономическая. Но в любом случае, – и в этом совершенно прав академик С.Глазьев, – она не может ориентироваться на технологические уклады вчерашнего дня. Мы не можем себе позволить "поэтапно догонять" лидеров, наверстывая по очереди то, в чем отстали вчера и позавчера. Это и есть *безнадежное дело "догоняющей модернизации"*.

Но академик С.Глазьев не вполне прав, когда говорит о том, что отрасли и предприятия предшествующих

укладов можно не развивать. Сегодняшние реалии России свидетельствуют о том, что потеря многих отраслей и предприятий обрабатывающего сектора экономики привела к слому системы сложных организационных и кооперационных связей в промышленности, утрате технологической культуры, кадров, депрофессионализации и дисквалификации рабочего класса. Именно здесь скрываются корни системных недостатков и катастрофических неудач в области ракетно-космической промышленности, оборонно-промышленного комплекса, включая международную торговлю оружием, гражданской авиации, регулярные техногенные катастрофы, в частности в электроэнергетике, утрата конкурентоспособности продовольственного комплекса и возрастание напряженности вызовов и угроз продовольственной безопасности даже с учетом того, что, парадоксальным образом, Россия при этом все-таки является одним из лидеров мировой торговли зерном.

Очень важным является вопрос о *соответствии масштабов целей и задач модернизации, с одной стороны, и их ресурсного обеспечения – с другой*. Нам вообще нужно уходить от идеологии расходов и трат, как это понимают бухгалтеры и счетоводы. Модернизации нужны новые поколения политиков, финансистов, финансовых менеджеров, которые понимают, что мы не "тратим и растрчиваем" деньги бюджета, а вкладываем, инвестируем.

Где взять деньги? Деньги есть! Приведем здесь некоторые экспертные оценки. На сегодня мы имеем 510 млрд долл. США золотовалютных резервов, из них вполне можно было бы направить на модернизацию в форме инвестиционных кредитов 350 млрд долл. США.

Вторым источником должны стать средства, перераспределенные из нефтегазового сектора в перерабатывающие отрасли и, прежде всего, в машиностроение. Такую задачу может решить только государственный бюджет как механизм реализации заинтересованности общества в стабильном социально-экономическом развитии. Стержнем финансовой политики страны в годы экономического роста (2000–2008 гг.) являлась установка на изъятие дополнительных финансовых ресурсов из обращения, вследствие чего накануне кризиса оказалось возможным накопить огромные средства (3 851,8 млрд руб. в 2008 г.) в стабилизационном фонде. На сегодня в Резервном фонде и Фонде национального благосостояния сосредоточено, соответственно, 1 090 369 024 400,00 руб. и 3 863 253 552,60 руб. по состоянию на 30.12.2012 г. С одной стороны, такой подход позволил предотвратить крах банковской системы и фондового рынка в период кризиса, но, с другой, он обрекает страну на сохранение топливно-сырьевой структуры производства и усугубляет техническую отсталость экономики в целом.

В связи с этим нужна новая модель бюджетного распределения нефтегазовых доходов. Она может быть основана на законодательном установлении нормы распределения дополнительных доходов Федерального бюджета на цели накопления государственных резервов и цели новой индустриализации страны. По предварительным оценкам, данная норма при превышении цены барреля нефти выше уровня 85 долл. США должна выглядеть следующим образом: 40% дополнительных доходов идут на резервы и 60% – на новую индустри-

ализацию. Вероятность того, что цены на энергоносители будут расти и дальше, подтверждается прогнозными оценками авторитетных зарубежных и отечественных специалистов. Другая версия недавно озвучена Президентом РФ В.Путиным. Она сводится к тому, чтобы накапливаемые сверх 7-процентной квоты Резервных фондов (к ВВП) нефтегазовые доходы направлять на инвестиционные нужды экономики.

Необходимо повысить долю инвестиций в консолидированном бюджете, она самая низкая в мире. Сейчас норма инвестиций у нас около 20%, при незначительных колебаниях по годам в ту или иную сторону. При норме 20% ни одной стране нормально не удавалось развиваться за счёт внутренних факторов более, чем на 3% в год в среднем. В советское время данная норма достигала 40%. Мы могли бы перейти к норме инвестиций хотя бы в 30–35%, тогда мы сможем развиваться темпами в 5–6% в год.

Существуют также возможности внесения существенных целевых корректив в критерии целесообразности и программы приватизации в отношении успешно работающих госпредприятий, политику их доходности и эффективности, долговую политику государства, банковское законодательство (в части инвестиционного кредитования).

Все это поможет мобилизовать не менее 250 млрд долл. США, но для этого должна заработать по сути *новая модель финансовой системы и макроэкономической политики.*

Логика и опыт подсказывают, что только такой инвестиционно активный подход позволит государству реализовать себя как *развивающееся государство – инициатора и направляющего модернизации.* А если откровенно, то при прочих равных условиях, отдавая должное частной инициативе и бизнесу, мы все же признаем, что другого сопоставимого по возможностям субъекта модернизации пока не просматривается. Другое дело, что государство может и должно реализовать *широкий политический и гражданский стратегический альянс власти, общества, бизнеса, граждан – для солидарной деятельности по решению задач модернизации.* Вот этот подход – от исторических возможностей, от возможностей общества понять и принять модернизационные инициативы власти, принять участие на основе консенсуса очень важен, когда мы говорим о перспективах модернизации.

Отсюда – значимость темы *социальных сторон модернизации,* её субъектов, движущих сил и ценностно-мотивационных предпосылок. Вообще, принять и разделить тяготы и издержки модернизации общество может только тогда, когда между ним и властью существует доверие, взаимопонимание и согласие по поводу целей и средств модернизации.

Конечно, модернизация всегда несет в себе неизбежные риски и потери, социальные тяготы. Но надо иметь в виду и следующее. Нищета и простое воспроизводство, нищета и расширенное воспроизводство, определенное экономическое развитие и контрасты социального неравенства в определенных границах совместимы. Однако представить себе сочетание нищеты и инноваций, модернизацию при одновременном фронтальном наступлении на социальные и человеческие права граждан, выстраивание новых инновационных

институтов при деградации социальной инфраструктуры общества сегодня невозможно. Даже известные мобилизационные модели модернизации требовали необходимости системных решений в области развития социальной инфраструктуры и создания определенной системы социальных прав и гарантий граждан.

Поэтому, если в своём социальном устроении мы продолжим ориентироваться на известные опыты радикального нелиберального реформирования, то о модернизации, инновационном развитии и экономике, основанной на знаниях, придется забыть. Не может человек, который вынужден работать ради заработка на пяти работах, думать об инновациях или каких-либо ещё высоких материях типа "образования в течение всей жизни", культурном досуге, творчестве и так далее. Для человека креативного, *для класса развития, подлинного интеллектуального класса* (а не пресловутого "среднего" – по уровню доходов и потребления – класса), его воспроизводства необходима совершенно иная среда. Поэтому, конечно, есть особые социальные аспекты модернизации, которые требуют устранения остаточных деформаций из состава социального наследия 90-х, корректировки курса в области науки, образования, здравоохранения, культуры, которые в 2000-е годы превратили общее (общенациональное) дело культуры в поприще лишь узкого круга элит, а в области науки и образования привели к возникновению своеобразных образовательных "газпромов" и "роснефтей", обеспечивающих воспроизводство этой элиты, но не способных выполнять социальные функции подобных публичных институтов, выступающих как механизмы социальных лифтов и источник формирования класса развития.

И последнее, самое, может быть, важное. Сегодня лидеры мирового экономического развития, и прежде всего США, все силы и ресурсы государства и нации концентрируют на *управлении будущим, целенаправленном и планомерном создании научных, научно-технических, инновационных и технологических заделов в рамках 6-го и даже последующего, 7-го технологического уклада.* Об этом неустанно говорит в большинстве своих прогнозно-экономических работ известный российский математик Г.Малинецкий. И здесь лидирует государство, отдавая странам второго эшелона прогресса и в коммерческий сектор дела ближнего космоса, значительную часть IT-экономики, других отраслей предшествующего уклада. Прорывные военные технологии, медицина, биотехнологии и фармацевтика, нанотехнологии, информационно-телекоммуникационные технологии на новых принципах, революция в материалах – все это поддерживается государством, естественно, в тех специфических формах, которые характерны для американской системы регулирования интеллектуального производства, сотрудничества с бизнесом там, где лежат *коренные национальные интересы и долгосрочные стратегические ориентиры, направленные не просто на лидерство, но на экономическое доминирование в будущем мире.* Учет этих мировых трендов и императивов развития требует, действительно диктует *воссоздание в России систем стратегического целеполагания, стратегического планирования и управления, политических, экономических и институциональных механизмов выработки и реализации стратегических приоритетов.*